

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Б27

ПРИСОЕДИНЯЙТЕСЬ К НАМ!

МЫ В СОЦСЕТЯХ:

www.eksmo.ru

 vmirefiction

 read_action

Разработка серийного оформления *С. Курбатова*

Дизайн обложки *Н. Кудри*

Редактор серии *Ю. Милоградова*

Баскова, Ольга.

Б27 Медальон Таньки-пулеметчицы : [роман] / Ольга Баскова. — Москва : Эксмо, 2020. — 352 с. — (Артефакт & Детектив).

ISBN 978-5-04-112545-5

Все, чего хотелось Тане, — это жить сыто, в тепле и довольстве. Началась война, и, представляя себе полную героических подвигов судьбу, она добровольно отправилась на фронт. Оказалось, что война неприглядна — кровь, боль, грязь и холод. Таня приняла правила игры, и через некоторое время никто не называл ее иначе чем Танька-пулеметчица, а ее жестокость поражала даже фашистов.

Через несколько десятков лет человек, причастный к смерти легендарной Таньки, умирает. Казалось бы, нет ничего криминального в его смерти, но местный журналист, который беседовал с женщиной накануне, в этом сомневается. Связав воедино все события и рискуя собственной жизнью, молодой человек выходит на след убийцы...

УДК 821.161.1-312.4

ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-112545-5

© Баскова О., 2020

© Оформление. ООО

«Издательство «Эксмо», 2020

Глава 1

1921 год, Смоленская область,
деревня Малая Волховка

Е

вдокия задула свечу, уже изрядно оплывшую и напоминавшую бесформенный снежный ком, сняла серенькое льняное платье, местами заштопанное толстыми серыми нитками, и быстро надела через голову когда-то белую, а теперь застиранную, неопределённого цвета ночную рубашку, искоса взглянув на кровать. Муж Марк, подложив руку под голову, спокойно смотрел на нее, и ее сердце забилось, будто птица в силках. «Должна сказать, — мелькнуло в голове. — Сегодня, сейчас. И будь что будет».

Она немного помедлила, прежде чем лечь в постель, вынула острую шпильку из густых темно-русых волос, и они тяжелым водопадом упали на плечи.

— *Шо возисся?* — раздался голос мужа. — *Словно яка королевна прихорашивается.*

— *Иду,* — покорно ответила она и присела на краешек кровати. Его мозолистая ладонь, нырнув под ее рубашку, прошла по спине.

— *Марк, не надо,* — прошептала Евдокия и дернулась. Муж приподнялся на постели:

— *Шо? Шо тебе не так?*

— *Тяжелая я,* — выдохнула женщина, смело взглянув в его серые глаза. — *Другэй месяц уж. Боюсь, ребятеночку зло причиним.*

Марк с силой схватил ее за руку, оставляя синяки на нежной коже.

— Тяжелая? Да ты в своем уме? Ртов у нас шестеро, куды ище одного? Шоб завтра избавилась. К Андреевне ступай, поможет.

Евдокия потрянула головой:

— Шоб я свое родное дите? Ни в жизни.

— Дрянь ты. — Муж снова опустился на подушку. — Тока о себе думаешь. Ты будешь брюхо греть, а я? У колхозе ишачить? Не всегда исть шо, как жить будем?

— Проживем, — уверенно сказала она. — А дите убивать не буду.

— Ну-ну. — Мужчина обиженно засопел и отвернулся к стене. — Поглядим.

— Поглядим, Марк. Спи.

Он еще долго ворочался, прежде чем захрапеть, а бедняжка до утра не сомкнула глаз. Да, конечно, муж прав, им придется тяжело. В колхозе жизнь нелегкая, огород еле дает пропитание. Как обушь, одеть и накормить семь голодных ртов?

— Ниче, — решила Евдокия. — Руки есть — не пропадем.

Глава 2

Смоленская область. Малая Волховка

Дав себе слово, бедная женщина больше не знала покоя. Стараясь не отставать от мужа, который, что ни день, набрасывался на нее с попреками, она работала как вол в поле и в огороде, не позволяя себе расслабиться хотя бы на минуту. В тот хмурый августовский день, убирая сено, она почувствовала схватки и прилегла под телегой. Соседка Мария, высокая, дородная, с коричневым от загара лицом, прорезанным белыми морщинками, присела рядом:

— Начинается? Рано вродя.

— *Начинается, Маша, — призналась роженица. — Шо делать, если дите из чрева просится?*

Соседка оглянулась в поисках Марка:

— *Мужика тваво позвать? Ен до дома тебе довезет.*

Евдокия замотала головой:

— *Нет, сама доеду. Ты, милая, Андреевну предупреди. — Она погладила огромный живот. — Чувствую, ребяточек тяжело пойдет. Помощь нужна. Ох, мамочки, больно! — вдруг закричала бедняжка и с трудом забралась на скрипучую разбитую телегу. — Беги, Маша, беги, милая. Ой-ой-ой...*

Слегка ударив худющую гнедую с молочным пятном на лбу лошадь кнутом, она откинулась на сено. Ребенок, казалось, раздирал внутренности, по ногам струилась горячая жидкость.

— *Ой, мамочки! — Евдокия взглянула на небо, словно ища поддержки у давно умершей матери. — Ой, мамочка, помоги!*

Пегая кляча неторопливо ступала по утопанной копытами и сапогами тропинке, еле перебирая тощими ногами. Над ее костлявым крупом роились бормочущие оводы. У Евдокии не было сил отогнать их хворостинной. Она до крови кусала пухлые розовые губы и сжимала кулаки так, что ногти врезались в кожу. Когда старая скрипучая телега остановилась у почерневшей от времени избы с покосившейся крышей, женщина заметила бегущих к ней Марию и местную повитуху, бабу Андреевну.

— *Давай, родимая. — Бабы помогли ей слезть и под руки повели в дом. Сгорбленная повитуха, сверкая глазами из-под нависших седых бровей, приговаривала:*

— *Кричи, милая.*

С помощью Марии она уложила роженицу на кровать. Выпученные голубые глаза Евдокии казались безумными. Рот раскрылся в беззвучном крике, розовел кончик языка, окаймленный молочным налетом. Из искусанной пухлой нижней губы бусинками сочилась кровь.

— *Воды нагрей, быстрее!* — буркнула Андреевна и погладила дрожавшую руку Евдокии. — *Терпи, бабонька, терпи, сейчас ребеночку поможем.*

Она разложила на ветхой скамье чистые полотенца.
— *Тужься, милая.*

Почти ослепшая от невыносимой боли, Евдокия закричала.

— *Вот, милая, — подбадривала ее старуха. — Сейчас твоего младенчика примем.*

На крик прибежала Мария и носилась возле кровати, как потерявшая след собачонка.

— *Скоро водичка... — прошептала она, глядя на искажившееся лицо соседки. Бабка вздохнула:*

— *Не идет ребятеночек. Не хочет в наш мир. Ох, тяжело придется, только бы дитяtko не сгубили. — Грубыми коричневыми руками в старческих пятнах она поглаживала огромный живот. — Ну, давай, родимая, тужься сильнее.*

Евдокия кричала и тужилась, обливаясь потом, думая про себя, что это самые тяжелые роды в ее жизни и что, наверное, она не переживет. Господи, ну почему этот ребенок идет так трудно? Пятеро до этого просто выскользнули из утробы, один даже в поле во время косьбы.

— *Тужься! — уже орала Андреевна, вытирая с покрасневшего лба крупные капли. — Тужься!*

Бедняжке казалось, что голос повитухи доносился издали, чуть ли не с неба. Может быть, она уже там, у Боженьки?

Когда старуха с облегчением вымолвила: «Головка показалась...», Евдокия решила, что прошла целая вечность. Женщина, будто вернувшись на землю, собрала последние силы и вытолкнула плод. Она не видела ребенка, лишь слышала, как Андреевна ударила его по попе. Вместо крика раздалось какое-то кошачье мяуканье.

— *Девочка, — промолвила повитуха. — Слабенькая. Ишь, силенок нету кричать. Ну да ничего. Ты ее выходишь.*

— Я ее выхожу, — пообещала Евдокия. — Обязательно.

— Верно, милая. — Вместе с Марией повитуха сполоснула от крови тельце ребенка, туго запеленала и протянула Евдокии: — Держи, милая. Теперича сама...

Осторожно, словно дорогую вещь, ослабевшая женщина взяла так тяжело ей доставшееся дитя и прижала к груди. На сморщенном личике девочки отразились все страдания, которые пришлось вытерпеть ее матери.

— Последыш мой, — ласково произнесла женщина. — Любимая.

— Чай, Марк обрадуется, — заключила Андреевна. — Девка вырастет и по хозяйству поможет.

Роженица лишь вздохнула. Она как огня боялась прихода мужа, зная, что в гневе Марк бывал очень жестоким, и часто его крепкий кулак опускался как на ее спину, так и на хрупкие спины детей. Вспомнив его слова о будущем дочери, она еще крепче прижала к себе ребенка. «Как бы не извел, — мелькнуло в голове. — Ничо, не дам. Скорее сама под кулак голову подставлю. Пусть убивает, изверг, а дите не трогает».

Мария и Андреевна еще немного посидели с ней и стали собираться.

— Катька у Маховых должна родить, — пояснила повитуха, отвечая на просьбы роженицы побыть с ней еще немного до прихода хозяина в надежде, что, может быть, убедят его, что дети — в радость. — Поди, ищут меня. Завтра навещу тебя, Дуняша. Береги девочку.

— И я завтра забегу, — пообещала Мария. — Курочку мы зарезали, я супчика тебе принесу. Будешь супчик-то?

— Спасибо, — выдохнула Евдокия и повернулась на бок. Когда за женщинами захлопнулась калитка, она стала взволнованно прислушиваться к каждому шороху. Тяжелую поступь Марка женщина не спутала бы ни с чем. Наверное, так ступают медведи — хозяйева тай-

ги: грузно, но уверенно. И точно, он влетел в избу вскоре после ухода соседки и повитухи и, отшвырнув среднего сына Ивана, щуплого подростка с узким лицом и испуганными серыми с крапинками глазами, направился к постели жены.

— Все-таки разродилась...

— Ты думал — умру... — Искусанные почерневшие губы с запекшейся каплей крови исказила слабая улыбка. — Да вот не вышло. Девка у нас.

Он со злостью сплюнул прямо на пол.

— А по мне, что девка, что парень — все одно: щенок, дармоед.

— Так о своем дитя? — Голубые глаза Евдокии потемнели, она оскалилась, готовая, как волчица, защищать свою кровиночку. Мужчина сжал кулаки. Он редко видел непокорность со стороны жены, это удивляло, пугало и раздражало его.

— Убил бы...

— Убивай, — смело сказала Евдокия. — А дите в обиду не дам.

Она закрыла ребенка рукой. Марк двинулся к ней.

— Папа! — Старший сын, двенадцатилетний Игнат, словно почувствовав неладное, вбежал в избу и бросился к отцу. — Папа, не трожь мамку!

Хозяин скривился:

— Да не собирался. — Он хмуро взглянул на новорожденную, усмехнулся при виде ее сморщенного личика: — Хилая... Все равно подойдет...

— Не позволю, — прошептала женщина и коснулась губами горячей щеки дочери. — Не позволю. Выхожу.

Тяжело ступая, Марк направился к двери. В каждом его движении чувствовалась брезгливость и ненависть. Ненависть ко всему — к жене, только родившемуся ребенку и к самой жизни, схватившей за горло стальными тисками и не дававшей опомниться, выдохнуть, расправить плечи. Ну почему, почему ему суждено тащить

огромную семью, похоже, до конца дней своих? Сколько воды утечет, прежде чем все они встанут на ноги? Он больше не может, не хочет, да, не хочет, пусть живут, как желают.... Только на него не рассчитывают. Какого черта Дунька рожала, кто ее просил?

— Куда? — выдохнула Евдокия дрожащим голосом. От напряжения на шее вздулись и зловеще засинели на белой коже вены. Но он ничего не ответил, лишь хлопнул дверью так, что зазвенели стекла. Евдокия вздрогнула и зажмурилась. Мальчики подошли к ней:

— Мама, не бойся. Мы защитим вас.

Дрожавшие руки обняли детей:

— Милые мои!

— Хорошенькая, — заметил Игнат, поглядев на сестренку. — Как кликать будем?

— Татьяна, — твердо сказала женщина.

— Таня, — проговорил Иван. — Танька... — Он, видимо, хотел подобрать ей прозвище, но не смог.

— Танечка, — еле слышно произнесла Евдокия и почувствовала, как горячие слезы потекли по впалым щекам. Женщина понимала, что ее более-менее благополучному житию, если его так можно было назвать, пришел конец. Марк не успокоится. Нужно все время быть начеку и следить за ребенком, иначе может случиться беда.

Глава 3

Лесогорск, наши дни

Виталий Рубанов сидел в своем кабинете, уныло глядя на экран компьютера. Вот уже три года он работал журналистом в редакции ведущей газеты «Вести» маленького городка, затерянного в северных лесах, и мечтал о статье, которая прославила бы его на всю Россию. Впрочем, парень прекрасно понимал: в

этом провинциальном городишке сенсаций просто не бывает. Три года он писал о прохудившихся канализационных трубах, об утечке газа, о бытовых ссорах между выпившими соседями, о зиме, пришедшей раньше, чем положено, и о неготовых к ней коммунальных службах. Такая писанина надоела ему до чертиков, набила оскомину, и Виталий подумывал о переезде если не в столицу, то в какой-нибудь другой мегаполис. Посоветовавшись с матерью, он решил написать дяде в Санкт-Петербург и неделю назад отправил письмо, пока еще не получив ответа. Впрочем, его можно было и не дожидаться: вряд ли дядя захотел бы поселить его в своей двухкомнатной квартире, где кроме него и пожилой жены обитали еще дочь с мужем и семилетняя внучка. Запустив пятерню в густые темные волосы, зачесанные назад и оголявшие высокий гладкий лоб, Виталий стал забивать в поисковик «Снять квартиру в Санкт-Петербурге дешево», и за этим занятием его застала коллега Аллочка — рыженькая, маленькая, полная, с короткими ручками и ножками, давно симпатизировавшая ему, но так и не добившаяся взаимности.

— Чем занят? — деловито осведомилась она, не поздоровавшись. — Судя по выражению твоего лица, чем-то безумно скучным.

— Сказать тебе честно? — Виталий посмотрел в ее глаза цвета неба. — Думаю, как побыстрее свалить отсюда. Все достало: и работа, и этот городишко, и...

— И твои коллеги, — усмехнулась девушка, тряхнув рыжими волнистыми волосами. — Что ж, я тебя понимаю. Куда думаешь податься?

— Хотел в Питер, — отозвался Виталий неохотно. — Вот уже неделю жду ответа от родного дяди.

Алла улыбнулась и уселась на стол, болтая толстыми ножками.

— Думаешь, ответит? Вряд ли, мой дорогой. Кому охота принимать у себя бедного родственника?

— Почему это бедного? — удивился парень.

— Да потому что ты планируешь явиться к нему на неопределенное время, не имея работы, — констатировала она. — Когда встанешь на ноги — никто не знает. Согласись, в Питере нашей братии воз и маленькая тележка. И все мечтают писать о бомонде, чтобы прорваться в светское общество. Теперь подумай, кому это удалось и есть ли у тебя шансы.

— Да не хочу я писать о бомонде, — отмахнулся Виталий, ударив по столу. — Но здесь, в Лесогорске, вообще писать не о чем. Достала проклятая бытовуха.

— В Северной столице будешь заниматься тем же, — безапелляционно заявила коллега и спрыгнула со стола, потянув за собой несколько листков бумаги. — Впрочем, бог с тобой. Я побежала. Меня, в отличие от тебя, все устраивает. Работа непыльная, неустойчивая. Два репортажа в неделю — не бей лежачего. Есть время и для личной жизни. — Девушка покраснела.

— С чем тебя и поздравляю, — буркнул он и вздрогнул, услышав стук. — Кто там еще?

Дверь медленно отворилась, и в кабинет вошел главный редактор, Борис Юрьевич Симаков — высокий седоватый мужчина лет пятидесяти. Молодые журналисты, не сговариваясь, застыли по стойке «смирно».

— Вольно, — скомандовал редактор, усмехнувшись в седые густые, как у командарма Буденного, усы. — Виталия, хорошо, что я тебя застал. Телефон почему не берешь? Лилию я отправил по делам, хотел сам тебя вызвать, а ты недоступен.

Лилей звали его секретаршу. Она была хорошенькая, белокурая, чем-то напоминала куклу Барби, впрочем, была довольно неглупая. По редакции ходили слухи об их романтических отношениях и о том, что Симаков никогда не разведется со своей благовер-

ной — толстой, круглолицей Анной Николаевной, державшей его в ежовых рукавицах, которую в редакции за глаза называли Солохой. Эта дама владела двумя маникюрными салонами, что было довольно неплохо для маленького городка. Болтали, что она спонсировала детище мужа, когда местные власти отказывали в финансировании, и это связывало супругов больше, чем любовь и страсть.

— У меня к тебе дело. — Борис Юрьевич степенно присел на стул. — На Ленинградской опять нет воды. Надо разобраться, когда закончится соседняя стройка. Помнишь, они давали обещание не отключать воду, — он довольно потер жилистые руки. — Поговори со строителями и дай хозяину как следует. Не мне тебя учить — ты это прекрасно делаешь.

Виталий улыбнулся и, порывшись в ворохе бумаг на столе, выудил одну и торжественно протянул ее шефу:

— Это заявление об уходе, Борис Юрьевич. Я у вас больше не работаю.

Симаков даже не шевельнулся, чтобы взять заявление. На его смуглом остроносом лице застыло удивление.

— Что ты сказал?

— Только то, что я больше не хочу здесь работать, — повторил Виталий. — Я устал от канализационных стоков, сбежавших деревенских девушек и бытовых ссор. В этом городишке для меня никогда не найдется ничего интересного. Жизнь здесь давно застыла. Кому-то это нравится, но я не из их числа.

Борис Юрьевич нервно потер переносицу.

— Значит, ты уходишь, потому что тебе скучно?

Виталий кивнул:

— Вы меня правильно поняли.

Он по-прежнему держал в руках заявление, но шеф делал вид, что не замечает протянутого листка.

— А если бы я нашел для тебя интересное дело, ты бы остался?

Журналист расхохотался, показав ровные белые зубы. Аллочка, забившаяся в уголок и сидевшая как мышка, тоже усмехнулась.

— Помилуйте, Борис Юрьевич, какое дело? Неужели в наш город приедет звезда эстрады? Кстати, а почему они сюда не приезжают?

— Этого я не знаю, — буркнул Симаков. — И, честно говоря, о звездах эстрады нам известно больше, чем хотелось бы. Я собирался предложить тебе работу другого рода. Если интересно, пойдем ко мне в кабинет.

— Говорите здесь, я уже ухожу. — Аллочка выпорхнула так же неслышно, как и появилась. Борис Юрьевич наклонился вперед:

— Не буду ходить вокруг да около, Виталий. Скажи, ты бы взялся за статью о человеке, расстрелявшем саму Татьяну Маркову, знаменитую Таньку-пулеметчицу? Слышал о ней?

— А кто не слышал? — удивился Рубанов. — Она — одна из трех женщин, казненных в СССР. В то время женщин не расстреливали, и это само по себе стало громким делом.

— Верно, — слегка кивнул Борис Юрьевич, и седая прядь упала на смуглый лоб. — Недавно я узнал, что человек, пустивший ей пулю в затылок, жив и, что интересно, находится недалеко от нас. По трассе в Архангельск есть небольшая деревушка. Василий Петрович Пахомов, так его зовут, получив в наследство от родителей домик в тех краях, перебрался туда на постоянное место жительства еще в девяностых.

— Старички любят жить в деревенской глуши, — заметил Виталий, по привычке запустив пятерню в густые черные волосы. Симаков покачал головой, прищурив зеленые глаза: